

ФИЛОСОФИЯ*(шифр научной специальности: 09.00.11)*

УДК 101

О.А. Верещагин, Н.Е. Белова*Нижегородский государственный университет**им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал)**г. Арзамас, Россия*

redaction-el@mail.ru

**СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ В ОПЫТЕ
ДЕКОНТЕКСТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИАЛЬНОГО ПОЛЯ*****[Oleg A. Vereschagin, Natalya E. Belova*****Social theory in the experience of decontextualization of categorial space]**

The article reflects the controversy in the professional community of philosophers and social theorists regarding the conceptual and categorial foundations of the scientific discourse of social sciences. The research targets are related to the actualization of specific practices of "critical reading" in the sphere of organization and functioning of the language of social theory. The authors believe that the contextual connectedness of scientific discourse, traditionally considered a characteristic of its attributive maturity and completeness, can be both a cause of scholastic transformation and dogmatization of the practice of discourse formation. Contextualism as a holistic methodological program, according to the authors, carries obvious reputational costs in the situation of "non-obvious context", when there is a partial or complete desemantization of the existing categorial field. Complementarity of decontextualization as a critical-reflexive side of discourse formation is manifested in the relative interpretation of certain scientific concepts, and only within the boundaries of self-closed practices of conceptualization. The presented research experience of contextualization-decontextualization of categorial space can be used in critical research within the framework of social conceptology and political linguistics.

Key words: power, globalization, knowledge, decontextualization, cognitive society, contextualism, multitude, redescription.

Этико-социальной максимой современного секуляризма является манифестирование главенствующей роли знания в развитии базовых институций общества. Знаниевая компонента с комплементарными ей ценностными и прагматическими компонентами как этимологически, так и семантически связывает воедино тот тип социальности, который несколько односторонне именуют «cognitive society» [11]. Элиминируя проблему соотнесенности нормативных идеалов «общества знания» и реальных масштабов когнитиви-

зации общественного сознания, мы обязаны признать фундаментальную опосредованность собственно знаниевых и публично-административных механизмов социального контроля и управления. Очевидно, что знания, особенно в их социально-гуманитарном кластере, в условиях нынешнего катастрофического разрастания информации, становятся полем ожесточенного идейного противостояния, ареной непримиримой борьбы различных интерпретативных схем и объяснительных моделей. Незаметным, но весьма существенным образом, когнитивные отношения оказываются вовлечены в более общий контекст властных отношений, то есть отношений по легитимации существующих нормативных предписаний, формальных институциональных правил и ценностных установок.

Фукоистская концепция власти-знания [13], формировавшаяся в идеологическом климате «герменевтики подозрительности» [7] в качестве теоретической модели «дисциплинарной власти», в той же степени, как и модель «символической власти» П. Бурдьё [2], раскрывающая потенциал символических систем как инструментов конструирования и познания мира, прочно и надолго утвердились в умах и сердцах западных интеллектуалов, выработав особый критически-рефлексивный взгляд на природу взаимоотношений когнитивных и политических структур.

Конъюнктурное и своевременное переосмысление научного дискурса как одного из механизмов властного доминирования и контроля, как «власти коммуникации» в стремительно меняющихся условиях форсированной дигитализации и семиотизации, осуществил М. Кастельс [5], полагавший наиболее фундаментальной способностью власти «способность формировать человеческое сознание» [5, с. 20]. Власть претендует ни много ни мало на эксклюзивное и монопольное право представления и удостоверения реальности, контролируя динамику воспроизводства социальных институтов и определяя специфику ценностных ориентиров. По мнению Кастельса, власть имманентна социальному на всех уровнях его функционирования, будь то ключевые ценности или базовые институты, поскольку то, что «оценивается и институционализируется, определяется властными отношениями» [5, с. 20].

Установленная Кастельсом симметричная комплементарность насилия и дискурса в системе средств и методов властного доминирования может быть реинтерпретирована в категориях дискурсивного контроля и интеллектуаль-

ной репрессии. Как отмечает С.Н. Родионов, своеобразие интеллектуального насилия наиболее четко проявляется «в сфере производства идей и борьбы за завоевание автономии в пространстве рефлексии» [9, с. 23]. Острая конкурентная борьба дискурсивных практик ведется с целью установления одной из сторон этого противостояния позиции квазиустойчивости с правом именоваться инстанцией «конечного словаря» в описании текущей реальности.

Р. Рорти [10] представил изначальную конфликтность «ироников» и «здравомыслящих» в качестве необходимого элемента в становлении и развитии теоретической мысли Запада. «Ироники» ставят под сомнение существование неподвижного ментального контекста, некоего нейтрального и универсального метасловаря, в границах которого и совершается событие интеллектуального выбора. Напротив, по их мнению, сама изменчивость и текучесть ментального контекста не позволяет сделать однозначный выбор в пользу такого метаязыка описания, как собственно и «сформулировать» критерии выбора между конечными словарями» [10, с. 104]. Концептуальный персонаж «ироника», описываемый Рорти, всего лишь проекция основополагающих интенций и нормативных требований методологической культуры ницшеанско-фукоистского типа. Вспомним, что для Фуко в анализе существующих дискурсивных практик «нет внешней позиции определенности, нет универсального понимания, которое находится за пределами истории и общества» [15, р. 4]. Лишь последовательная историзация и деуниверсализация наличного категориального опыта, по мнению Фуко, позволяет восстановить «нити дискурса и практики, связанные с субъектом, знанием и властью» [15, р. 7], то есть восстановить генеалогию современного субъекта во всем многообразии его культурных форм и воплощений.

Номинализму и историцизму «ироника», по утверждению Рорти, противопоставлен универсализм «здорового смысла», бессознательно апеллирующий к априорному метафизическому основанию, к неким «общим местам», сформулированным в старом словаре» [10, с. 104]. «Здравомыслящие» метафизики, в духе платоновского анамнезиса, пытаются реактуализировать свой внутренний опыт в постижении предзаданной «реальности», перманентно подогревая в себе веру в то, что «там вовне этого мира существуют реальные сущности, раскрывать которые наш долг» [10, с. 106].

Представляется, что общий антиметафизический пафос современного философствования связан как раз с противостоянием догматизму и его скрытому или явному насилию в отношении альтернативных способов анализа, интерпретации и смыслообразования. «Убедитесь в том, – писал Фуко, что продуктивно не осевшее, а блуждающее» [9, с. 25], и именно в этом творческом русле, как нам кажется, способна развиваться неавторитарная антисхоластическая мысль, оказывающая эффективное противодействие «кратическому» перерождению знания, превращению его в банальный комплекс идеологических штампов и клише.

Рортианские стандарты и методологические принципы, фиксируемые в теории контингентности языка («the contingency of language») [16, р. 3] и применяемые в стратегии редискрипции как переописания или переозначивания нерелевантных научных дискурсов, оказываются в большей степени востребованы в нынешней эпистемической ситуации пролиферации и мультиплицирования альтернативных словарей. Плюральная реальность сопротивляется универсализации и требует множественности ее теоретических реконструкций. В этом и состоит базовая сложность дискурсивного (теоретического) мышления в силу его изначальной зависимости от релятивной языковой среды. Как справедливо отмечает И.Т. Касавин, «контекстуальная относительность слова или фразы превращается в методологическую максиму, ибо язык живет во множестве взаимопересекающихся, равно легальных, хотя и по-своему значимых, в разной степени денотативных и коннотативных контекстов» [4, с. 6], сама же теоретическая осмысленность дискурсивных конструкций определяется их «включенностью в синтаксические, семантические и прагматические системы» и зависимостью от «ситуации употребления, культуры и истории» [4, с. 10].

В этой связи чрезвычайно показателен опыт концептотворчества, реализованный в истории содержательного конструирования и семантического наполнения понятия «глобализация», который имеет принципиальное значение для становления современной социально-философской оптики. «Глобализация» заключает в своих семантических рамках идею трансформации форм и методов осуществления власти и суверенитета в стремительно меняющихся условиях транснациональности, транскультурности и транссоциальности [12] глобального миропорядка. В этом смысле возникает насущная необходи-

мость не просто в обосновании новой онтологии и морфологии социального, но в изменении самих методологических основ теоретизирования и способов рефлексии новой социальной реальности. По мнению У. Бека, логическим следствием глобализации становится рождение транснациональной науки, призванной «переопределить и реконцептуализировать базовые понятия «общества современного типа» – домохозяйства, семьи, класса, демократии, доминирования, государства, экономики, публичной сферы, политики и т.п. – в контексте методологического космополитизма, освободившись от пристрастий методологического национализма» [17, р. 50].

Таким образом, глобализацию, если не рассматривать всерьез необоснованные версии гипостазирования и реификации, в действительности можно считать «способом описания или контекстом тех изменений, которые были вызваны международными событиями политического, экономического и культурного порядка, и развивались независимо от нее» [6, с. 110]. В данном значении глобализация освобождается от непосредственной связи с текущей событийностью, изымается из повседневной социально-экономической повестки и становится специфической «социальной технологией, новой конструкцией глобального менеджмента, способом преодоления национального суверенитета, направленного на создание условий свободного движения рабочей силы, рыночных и культурных обменов» [6, с. 110].

В представленной перспективе глобализация оказывается проективной социальной технологией по управлению будущим, особой интеллектуальной практикой предвосхищения и социального конструирования. Будучи в большей степени артефактом современной социальной теории, точкой сборки наиболее востребованных политических идей, глобализация, тем не менее, начинает восприниматься в полноте своего материального воплощения, в телесной овеществленности и пространственной организованности.

Именно в таком эпистемически-методологическом статусе необходимо воспринимать концепт «империя», активно эксплуатируемый современными гуру леворадикальной мысли А. Негри и М. Хардтом [14] для экспликации релевантных форм производства «всеобщности» и «глобальности» в эпоху постсовременности.

Описывая постсовременное общество, Негри и Хардт обращают внимание на ослабление суверенитета национальных государств и появление но-

вой – глобальной – формы суверенитета, именуемой ими Империей. Под «Империей» они понимают глобальный порядок и политико-экономическое устройство, отличные от «империализма». Если империализм предполагает наличие жестко закрепленных границ и территориального центра власти, управляющего внешними территориями, то Империя – это «децентрализованный и детерриториализованный аппарат управления, который постепенно включает все глобальное пространство в свои открытые и расширяющиеся границы» [14, с. 12].

Процессы формирования Империи сопровождаются утратой актуальности схемы пространственного разделения стран на три мира. Как утверждают авторы «Империи», элементы третьего мира сейчас можно обнаружить в первом, а первого – в третьем, тогда как второй мир фактически уже не существует [14, с. 12]. В эпоху постсовременности ни одно из национальных государств, включая США, не способно управлять процессами глобализации и являться мировым лидером в том же понимании, в котором им являлись европейские государства периода современности [14, с. 13].

Власть Империи – это сетевая власть региональных и глобальных межправительственных и надгосударственных организаций, правила и соглашения которых имеют приоритет над законами национального государства. Империя, обладая значительным потенциалом угнетения и разрушения, стремится подчинить своему контролю все уровни социального бытия – от общественной жизни в ее целостности до самой природы человека. И, «хотя на практике Империя всегда залита кровью, – ее идея неизменно обращена к миру, вечному и всеобщему миру за пределами истории» [14, с. 14].

Авторы интеллектуального бестселлера убеждены в том, что те социальные силы («множества» или «массы»), которые придают жизненную энергию Империи, способны на борьбу за создание альтернативной контр-Империи – новой «политической организации глобальных потоков и обменов» [14, с. 15]. Действия масс, осознанно направленные против ключевых репрессивных операций Империи, приобретают политический характер, а сами массы (множества) становятся политическим субъектом. В этом ключе авторы «Империи» рассматривают ряд выдвигаемых массами политических требований, в том числе предоставления всем работающим в полном объеме гражданских прав, право контролировать собственное перемещение (требование «глобаль-

ного гражданства)), требование социальной заработной платы и гарантированного дохода для всех, а также право на репроприацию, которое в условиях единения человека и машины, человека и технологии означает свободный доступ и контроль над знанием, информацией и коммуникацией – основными средствами биополитического производства [14, с. 368].

Авторскую реинтерпретацию и реактуализацию концепта множества предлагает итальянский философ Паоло Вирно в книге «Грамматика множества». Он воссоздает концептуальное противоборство между народом («populus») у Т. Гоббса и «множеством» («multitude») у Б. Спинозы. Это противоборство, характерное для политико-философских дискуссий Нового времени, завершилось победой «народа» – понятия, которое Т. Гоббс связывал с понятием государства и противопоставлял «множеству», связываемому им с «гражданской войной».

Осуществляя социально-исторический анализ двух основных «форм чувства ужаса» – страха и тревоги, Вирно фиксирует детерминированность страха определенным фактом и отсутствие какой-либо «точной побудительной причины» у тревоги. И если страх локализуется внутри конкретного сообщества, то тревога возникает, «когда мы, продвигаясь по обширному миру, удаляемся от исходного сообщества с его разделяемыми большинством привычками и общеизвестными «языковыми играми» [3, с. 23].

Концепт народа, согласно Вирно, предполагает четкое разделение между привычным «внутри» и неведомым и враждебным «извне», тогда как концепт множества базируется на отсутствии подобного разграничения, а также различия между страхом и тревогой. Тревога и страх «накладываются» друг на друга. Различие между ними исчезает по ряду причин, к числу которых Вирно относит, прежде всего, невозможность более «всерьез говорить о традиционных сообществах» вследствие «постоянного изменения форм жизни» и «рутины столкновения с бесконечными типами риска» [3, с. 24].

Если традиционные сообщества опосредовали и смягчали отношения индивидуумов с внешним миром, то распад этих сообществ делает эти отношения непосредственными, подвергая индивидуумов «воздействию всего самого непривычного и неожиданного и вынуждая их постоянно испытывать состояние, близкое к переживанию «ужаса существования вне стен общества» [3, с. 25]. По утверждению автора «Грамматики», все формы общественной

жизни сегодня связаны с чувством невозможности «ощущать себя в собственном доме», и это чувство рассматривается им как одна из отличительных характеристик множества [3, с. 26].

Множество является результатом центробежного движения от Единого к Многим, в отличие от народа как результата центростремительного движения к суверенной власти. Единое для множества не есть государство («Единое народа»). Оно значительно более универсально, чем государство – общественный интеллект, язык, коммуникативные способности, формирующие негосударственную публичную сферу, способную обеспечить защиту разнообразного социального опыта, форм непосредственной демократии и укоренившихся традиций. «Право сопротивления», принадлежащее Многим, есть «защита чего-то позитивного», своеобразное «консервативное насилие», не предполагающее захвата власти, создания нового Государства или новой монополии на политические решения [3, с. 39].

Современное производство характеризуется возрастанием роли интеллекта, коммуникации и языка во всех видах трудовой деятельности. Сам труд приобретает все большее сходство с политическим действием. В отличие от теоретиков постмодернизма, писавших о «смерти» или «отступлении» политического, Вирно заявляет о скрытой аккумуляции политического в пространстве нематериального труда и всеобщего интеллекта. «Границы между чистой деятельностью интеллекта, политическим действием и трудом исчезли ... это слияние Политики и Труда является решающей физиогномической чертой современного множества» [3, с. 48].

Размывание границ между трудом и политическим действием Вирно поясняет с помощью категории виртуозности, характеризующей деятельность исполнителя (музыканта, танцора, оратора и т.д.), которая требует присутствия публики. Такого рода деятельность не имеет воплощения в каком-либо автономном «конечном продукте», объекте или произведении, но имеет свою цель в самой себе. Виртуозность, в этом контексте, является отличительной чертой современного производства, структура которого совпадает с политической деятельностью [3, с. 52]. Соответственно, и современное множество Вирно характеризует как «множество виртуозов» – работников, обращающихся для выполнения своей работы к общим «политическим навыкам» [3, с. 66].

Подчеркнем, что статус воспроизводимых Вирно категорий и понятий («множество», «народ») – всецело эпистемический и инструментальный, то есть указанные единицы дискурса принадлежат определенной традиции концептотворчества, встраиваются в исторически конкретную структуру когнитивного производства. Собственно, об этом неоднократно упоминает и сам автор «Грамматики», считая конфликт понятий «народа» и «множества» частью интеллектуальной истории общественно-политической мысли модерна. По его мнению, инициированное Гоббсом и Спинозой состязание двух альтернативных понятий, «выкованных в огне сильнейших противоборств», играет первостепенную роль в определении социально-политических категорий Нового времени» [3, с. 7], и в таком качестве имеет своеобразный учредительный характер по отношению к разворачивающейся сквозь века публичной дискуссии традиционалистов и модернистов, консерваторов и либералов, современников и постсовременников.

Теоретические реконструкции Вирно, как и масштабные концептуальные обобщения Негри и Хардта, реферируют реальные события в той же самой мере, в какой и репрезентируют ту систему рациональных представлений, которая сложилась в определенной части леворадикального политического спектра. Антиглобалистские штудии авторов «Империи» и создателя «Грамматики» действительно разрушают тот порядок дискурса, который складывался на заре новоевропейской эпохи модерна, расчищая путь новым способам теоретической рефлексии, негласно принятым современным интеллектуальным истеблишментом. Как отмечает современный исследователь И.И. Рогов, Империя Негри и Хардта есть «химера организации сетевого управления, продуцирующая общество спектакля в масштабах всей планеты» [8, с. 67]. Озвученные в публичном пространстве идеи европейских постмарксистов, есть лишь «иллюзии империи» [1], их проективный взгляд на один из возможных сценариев выхода из нынешнего цивилизационного тупика. И в этом категориальном измерении, атопичная и атемпоральная Империя, конечно же, принадлежит своему времени и своей эпохе, являясь ментальной атрибуцией всей совокупности кризисных явлений позднего капитализма.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Абу-Мане Б.* Иллюзии империи. URL: http://left.ru/2004/10/abu_man-neh109.html (дата обращения 03.02.2019).
2. *Бурдые П.* О символической власти // *Бурдые П.* Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
3. *Вирно П.* Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / Пер. с итал. А. Петровой, под ред. А. Пензина. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013.
4. *Касавин И.Т.* Контекстуализм как методологическая программа // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. 6. № 4.
5. *Кастельс М.* Власть коммуникации: Учебное пособие / Пер. с англ. Н.М. Тылевич, под науч. ред. А.И. Черных. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016.
6. *Куропятник А.И., Куропятник М.С.* Современные социокультурные изменения в глобальной перспективе // Социальная политика и социология. 2016. № 5 (118).
7. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с франц. М.: Академический Проект, 2008.
8. *Рогов И.И.* Концепция «Нового суверенитета»: ретроспектива работы М. Хардта и А. Негри «Империя» // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 4.
9. *Родионов С.Н.* Насилие в интеллектуальном мире: постмодернистский дискурс и «риторика» власти // Вестник МГУ. 2008. Серия 7 (философия). № 6.
10. *Рорти Р.* Случайность, ирония и солидарность / Пер. с англ. И. Хестановой, Р. Хестанова. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
11. *Самигуллин В.К.* Права человека в контексте развития когнитивного общества // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2016. № 19-1.

12. *Глостанова М.В.* Транскультурация как модель социокультурной динамики и проблема множественной идентификации // Вопросы социальной теории. 2011. Том V.
13. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С.Ч. Офертаса, под общ. ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2002.
14. *Хардт М., Негри А.* Империя / Пер. с англ., под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. М.: Праксис, 2004.
15. *The Foucault Reader: An introduction to Foucault's thought, with major new unpublished material / Michel Foucault; Edited by Paul Rabinow.* N.Y.: Pantheon Books, 1984.
16. *Rorty R.* Contingency, Irony and Solidarity. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
17. *Ulrich B.* Power in the global age: a new global political economy / Ulrich Beck; translated by Kathleen Cross. Cambridge; Malden, MA: Polity, 2005.

R E F E R E N C E S

1. *Abu Mans B.* The illusion of the Empire. URL: http://left.ru/2004/10/abu_manneh109.html (date accessed 03.02.2019).
2. *Bourdieu P.* On symbolic power // *Bourdieu P.* Sociology of social space. М.: Institute of experimental sociology; St. Petersburg: Alethea, 2007.
3. *Virno P.* Grammar of the multitude: for an analysis of contemporary forms of life: [the lane with it. A. Petrova, ed. by A. Penzina]. М.: ООО "Ad Marginem Press", 2013.
4. *Kasavin I.T.* Contextualism as a methodological program // Epistemology and philosophy of science. 2005. Vol. 6. No. 4.
5. *Castells M.* The Power of communication: textbook / translated from English. N. M. Tylevich; under scientific. ed. A. I. Chernykh; National research university "Higher school of Economics". М.: Publishing house of Higher school of Economics, 2016.

6. *Kuropyatnik A.I., Kuropyatnik M.S.* Modern socio-cultural changes in the global perspective // Social policy and sociology. 2016. No 5 (118).
7. *Ricoeur P.* The Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics / Translated from French. M.: Academic Project, 2008.
8. *Rogov I.I.* the Concept of "New sovereignty": a retrospective of the work of M. Hardt and A. Negri "Empire" // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social Sciences. 2015. No. 4.
9. *Rodionov S.N.* Violence in the intellectual world: postmodern discourse and "rhetoric" of power // Bulletin of MSU. 2008. Series 7 (philosophy). No. 6.
10. *Rorty R.* Accident, irony and solidarity / Translation from English. I. Chestnova, R. Rouslan. M.: Russian phenomenological society, 1996.
11. *Samigullin V.K.* Human Rights in the context of the development of cognitive society // Topical problems of the state and society in the field of human and civil rights and freedoms. 2016. No. 19-1.
12. *Tlostanova M.V.* Transculturation as a model of socio-cultural dynamics and the problem of multiple identification. Questions of social theory. 2011. Vol. V.
13. *Foucault M.* Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews / Ed. FR. S.C. Ofertas under the general editorship of V.P. Vizgin and B.M. Skuratov. M.: Praxis, 2002.
14. *Hardt M., Negri A.* Empire / Trans. from English, under the editorship of G.V. Kamenskaya, M.S. Fetisov. M.: Praxis, 2004.
15. The Foucault Reader: An introduction to Foucault's thought, with major new unpublished material / Michel Foucault; Edited by Paul Rabinow. N.Y.: Pantheon Books, 1984.
16. *Rorty R.* Contingency, Irony and Solidarity. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
17. *Ulrich B.* Power in the global age: a new global political economy / Ulrich Beck; translated by Kathleen Cross. Cambridge; Malden, MA: Polity, 2005.

7 мая 2019 г.
